

«ЛЁХА...»

монопьеса

моему деду посвящается

действующие лица:

я
(дед
любовь ивановна кузнецова
дочечка-лидочка
андрюша)

ЛЁХА

мой дед говорил: «что с меня взять – только анализы»,
да, так мой дед говорил, что с него взять - только анализы.

мой дед говорил:

«тебе уже десять, а мне ещё семьдесят два»,
да, так мой дед говорил, что мне УЖЕ десять, а ему всего семьдесят два.

мой дед говорил,

насаживая на вилку два куска селедки вместо одного,
он говорил: «бог сцепил, бог и расцепит»,
да, так говорил мой дед.

у моего деда была татуировка на плече

с грудастой женщиной, внизу было написано «зоя ч.»,
он врал своей молодой жене по имени зина,
что там, где он жил, где-то под владимиром, кажется, в киржаче
всех зин называли зоями, а букву «ч» было плохо видно.

мой дед выпросил у моего отца

синие таблетки,
он так сказал отцу: «лёха, она любовь всей моей жизни»,
да, так и сказал мой дед моему отцу.

солнечным днем, через месяц или два после смерти жены,
мой дед ремонтировал балкон в своей новой квартире (размен),
он высунулся из окна, чтобы избавиться от слюны,
с восьмого этажа он увидел школьный стадион и бежит спортсмен.

такой маленький спортсмен

в синем трико,

такой крохотный спортсмен

где-то глубоко

под легкими,

недалеко от сердца,

бежит и бежит, болтается

где-то между вдохами,

не знает, куда ему деться,

куда податься,

вдруг спортсмен остановился – почесать яйца,

и в этот момент мимо окна восьмого этажа пролетела птица,

дед резко поднял глаза вверх

(было чему удивиться),
он увидел любовь ивановну кузнецову, нет, ее грудь, да.
что это было там, на девятом этаже, что это было тогда?

мой дед говорил, громко сморкаясь от смущения,
мой дед говорил: «лѐха, она любовь всей моей жизни».

любовь ивановна называла его козлом и мудаком,
любовь ивановна выбрасывала его гвоздики в закрытое окно,
но, когда мой дед заводил патефон
производства ленинградского граммофонного завода,
кажется, тридцать пятого, или тридцать шестого года,
и по его пыльной холостяцкой комнате разливался волшебный голос
вячеслава добрынина,
а любовь ивановна, выпив рюмочку, вставала из-за стола...
мой дед говорил, вытирая платком запотевшую лысину,
он говорил: «лѐха...»

ещѐ мой дед любил смотреть, как она мыла полы,
руками, скользила по блестящему паркету,
на выпрямленных ногах, обтанцовывая углы,
она продвигалась назад, приближалась к деду,
а мой дед, глядя на все это,
замирал в дверях, он говорил: «лѐха...»

на рынке ее по имени знал каждый лавочник,
у каждого был припасен для нее сочный перец, сахарный помидор,
прозрачное яблоко,
«уважаемая любовь, любовь ивановна!»
дед шел за ней, и думал, что это сон, сон, и как будет просыпаться жалко.

но особенно дед любил, когда она готовила для него,
когда ставила прямо на стол сковородку с золотой картошкой внутри,
и румяными отбивными (она называла их шницеля),
дед ел, молча смотрел на нее, пытался слушать, что она говорит,
но не слышал ничего.

в такие моменты его давление повышалось, под ногами его плавился
линолеум, из под ног его уходила земля.
мой дед говорил: «лѐха...»

ЛИДОЧКА

у деда была дочка от жены зины,
дочку звали «лидочка-дочечка».
так называл ее мой дед.

когда лидочкино **рыхлое** тело врывало в прокуренную прихожую деда,
он зажимал ее так же сильно, как тогда,
он нюхал ее крашенные, плохо-промытые волосы,
и ему казалось,
что они пахнут, как тогда,
что они пахнут какао и детским кремом,
как тогда,
когда ей было лет семь, когда
она рассказывала ему все свои самые секретные секреты,
на ушко (подходила так близко-близко),
когда он учил ее не падать с велосипеда, когда
нес ее завернутую в одеяло в больницу,
а она еле дышала, и могла, могла случиться беда.

ещё у моего деда был внук андрюша,
очень длинный парень с редкими усами (на них всегда оставалась еда:
семечка или кусочек лука).
когда дед звонил андрюше,
чтобы спросить про то, про что обычно спрашивает дед внука,
андрюша удивленно говорил: «дед, это ты? ты ещё не умер?»,
а дед говорил всем, что у них сейчас такой, понимаете ли, юмор
ау-ха-ха.

лидочка и андрюша появлялись у деда один раз в месяц,
обычно под вечер, после захода солнца,
в тот самый день, когда дед получал пенсию.
дед подавал им чебуреки, завернутые в теплое полотенце,
выносил как младенца.

дед смотрел, как сок стекает по тонким лидочкиным губам,
как капелька масла падает на плохо вымытую тарелку,
а в этой капельке... прямо внутри, прямо там,
в этой жирной, мелкой,

в этой чертовой капельке была вся его жизнь,
такая же мутная, такая же временная на этой тарелке.

КАПЛЯ

что бы он увидел в этой капле,
если бы заглянул в нее?

как пятилетним мальчиком
получил в подарок на день рождения кролика, такого маленького, серого,
как кормил его сочными одуванчиками,
построил ему дом под деревом.

а когда деду исполнилось шесть,
вся семья собралась, вынесли стол на улицу,
мама приготовила мясо (хотела порадовать сына, годы-то были голодные),
все стали есть,
говорили: «какой, какая прекрасная курица».

вечером дед пошел проведать друга, захватил одуванчиков, взял немного
капусты,
хотел рассказать, как прошел день, а может быть добрых снов хотел
пожелать,
но обнаружил, что дом пуст.
мама сказала, что кролик вырос и ушел в лес – искать своих, но просил
передать, что будет по деду скучать.

мой дед говорил, что долго еще переживал за кролика,
нашел ли он своих,
в том лесу.

или, как лежа на крыше заброшенной фермы,
смотрел на звезды, всматривался в синюю глубину неба,
представлял, что летит, и думал, кто же, кто же первый,
а вдруг он, дед, будет там, где никто, ни один человек, ещё не был.

и как в апреле шестьдесят первого отпросился с работы, соврал про больной
живот,
помчался в москву, опоздал на поезд,

но все же успел, увидел его, с этой улыбкой детской, вспомнил про тот свой
ночной полет,
так орал «га-га-рин, ура, ура!», что сорвал голос.

а через месяц пришла телеграмма,
пришла телеграмма от мамы:

«сашка, кажись, умираю, едь»
он сидел у ее кровати, такой беспомощный, бледный:
«ты не умрешь, ты не можешь теперь умереть,
мы теперь там, мы в космосе, человек – бессмертный».

как мечтал поскорее уйти на фронт, бить фашистов,
сидел, ждал повестку из военкомата, никуда из дома не отлучался,
боялся, что война закончится, и он не успеет, и зачем тогда жить,
как в дверь постучали, он вскочил, побежал и получил похоронку на брата, и
испугался.

КАЙФ

у деда был гараж на другом конце города, на СГШ, на узкоколейке
(я бываю там иногда во сне),
в гараже жила белая копейка,
дед выгонял ее только по весне.

теплым весенним утром, на рассвете
дед уходил в гараж, брел по прошлогодней листве,
приходил, превращал свою копейку в самую чистую копейку на свете,
долго тер ее, меняя мокрую тряпочку на сухую,
превращал ее в лучшую копейку на земле,
и подгонял ее прямо к подъезду, вплотную

любовь ивановна кузнецова тем временем
стояла у зеркала и раскручивала бигуди, наливала чай с лимоном (дед так
любил) в термос,
а он, забыв про свою грыжу, двигал мусорные контейнеры,
чтобы подогнать копейку поближе к подъезду.

любовь ивановна усаживалась на переднее сидение,
говорила: «с богом в добрый час», открывала окно, закуривала, курила,

«с богом в добрый час, трогай, саша»,
дед очень любил, когда она так говорила,
от этих слов ему сразу становилось тепло и не страшно.

дед гнал, говорил: «больше скорость, меньше ям»,
мой дед говорил: «дави на газ, дыши глубоко,
раз, два, три...»
из соседних машин ему кричали: «козел или старый козел», он посылал всех
к ...ям,
что они все знали о нем и о том спортсмене в трико,
который бежит внутри?

иногда его останавливали гаишники и просили выйти, показать права,
тогда любовь ивановна говорила: «сиди, саша».
саша сидел, она выходила, говорила гаишнику какие-то слова,
и они ехали дальше

по утренней москве-риге,
золотая коронка во рту любви ивановны сияла,
отражала блики –
так она улыбалась.

в такие минуты мой дед думал, что то, что сейчас происходит с ним,
должно было произойти лет пятьдесят назад,
когда он вернулся с фронта красивым и молодым,
или сорок лет назад, когда устроился на завод, работал как все – за идею, не
за зарплату,
когда резал трафареты для агитплакатов,
когда так старательно вырезал:
«рабочая неделя сокращается,
налоги с населения ликвидируются,
и жизнь хороша и жить хорошо».

и черт его дернул тогда
пойти после смены в ДК –
не сиделось дома, хотелось пива и покурить,
пойти в ДК и встретить там зину, и прожить с ней потом пол века,
и самое интересное, все это время он думал, что вот так вот и надо жить,
считал себя счастливым человеком.

но теперь-то он ехал по утренней москве-риге, щурился в горизонт,
рядом с ним сидел любовь ивановна кузнецова,
внутренний спортсмен ускорял ход,
и было так кайфово, так кайфово,
да, это слово не из его лексикона,
он бы сказал чудесно, бесподобно,
но это, то, что он чувствовал тогда,
было именно кайфово, дааа...
и Вячеслав Добрынин тихонько пел:
«мне мерещится - волны плещутся,
и я тону,
взгляд единственный и таинственный
влечёт ко дну,
этот сказочный и загадочный
взгляд голубой,
взгляд голубой,
он может стать судьбой».

были и другие моменты, когда ему было кайфово,
например, каждую пятницу в половине восьмого,
когда из дальнего угла телевизора выходила первая тройка игроков,
якубович смотрел с экрана грустными глазами, растягивая в улыбке кончики
усов,
этот лётчик эфира, поедатель воронежской колбасы и чак-чака из казани,
прячущий ключи от личного автомобиля в каждом кармане,
все это было так волшебно, так странно,
сидеть рядом с ней на тахте, различать нечеткие пятна на поверхности
экрана,
вставать, идти в туалет, стоять там, прижавшись к двери, как молодой дурак,
заметить, как на тебя кто-то смотрит, взглядеться, а это алан чумак
вырезанный из газеты, и повешенный над унитазом, снизу надпись
«улучшает стул»,
тоже на него смотреть, стараться не моргать, он-то не моргает, моргнул.

или встретить ее случайно в поликлинике, в очереди в регистратуру,
спрятаться за колонну, затаиться, скользить взглядом по ее изгибам, линиям,
мягкой шее, загорелым плечам...
и увидеть, как какой-то дед тоже вылупился и сказал «а ничего еще фигура»,

улыбнуться в ответ и дать ему в нос с размаху. и позвать врача.

«помогите, там человеку плохо».

ЛЮБОВЬ И ВАННА

мой дед говорил: «любовь иванна»,
он говорил: «любовь и ванна»,
да, так шутил мой дед.

мой дед умел писать двумя руками, отдельно и одновременно –
такая суперспособность была у моего деда, как у бэтмена, бёрдмена,
супермена.

однажды у моего деда случился инсульт, мир окрасился кислотно-яркими
красками,
все вокруг стало двигаться очень мед-лен-но,
его правый глаз в какой-то момент перестал открываться,
а правая сторона лица стала похожа на маску царя агамемнона,
он говорил так, что никто не мог его понять,
так говорил мой дед.

когда у любви ивановны происходил юбилей или какое-нибудь другое 8-е
марта,
дед писал ей своей единственной подвижной рукой то, что он называл
стихами:
«любочка, я знаю, что это любовь,
во мне ускоряется кровь,
и так я тебя люблю,
что даже дышать не могу».

ЗАЧЕМ УМЕРЛА ЗИНА

однажды мой дед проснулся среди ночи, он встал с кровати
и пошел на кухню, отбрасывая тень на стене,
дед сидел на кухне и слушал холодильник марки «ЗИЛ-65»,
его дряблое тело, покрытое седой шерстью, отражалось в окне.

о чем думал в эти минуты мой дед,
о чем он думал в эти минуты?

может он думал про зинин халат?
вот он замочен часа на два,
вот он постиран, а вот отжат,
вот он подвешен за рукава.

зина работала медсестрой,
зина носила белый халат,
зина носила его домой,
чтобы как следует постирать.

зина любила стирать халат,
чтобы он чистым был,
зина вообще любила стирать,
и протирала пыль.

пыль была зининым страшным сном,
пыль не давала жить,
то притаится за стеллажом,
то по углам лежит.

а может он думал о том, как умерла его жена зина?

его жена зина умерла от паленой водки.
они с подругами галей и леной после работы зашли в магазин,
и купили паленой водки,
дому у лены они «быстро сообразили столик»,
лена разогрела вчерашние котлеты,
галя соорудила свой «фирменный» салат из кинзы и фасоли,
зина оформила селедочку, сели, разлили, подняли за то, за это,
налили по третьей, хором сказали «за нас, богинь»
и выпили.

через сорок минут они
были доставлены в реанимацию,
доктор вышел к деду в коридор и, не поднимая головы,
сказал: «увы, увы».

может мой дед, сидя на кухне
и отражаясь в окне, думал о том,

как умерла его жена,
или, скорее, он думал, зачем она умерла.
«так было надо» - думал мой дед,
это была высшая справедливость,
так, разумеется, думать не хорошо,
но так, наверное, думал тогда мой дед.

затем он вернулся в комнату, выключил свет,
завел патефон и лег в постель,
«так было надо» - думал мой дед,
а Вячеслав Добрынин тихонько пел:
«в этом городе, шумном городе,
на склоне дня,
взгляд твой искренний,
взгляд твой пристальный
нашел меня,
как мне справиться, как избавиться
от колдовства,
от колдовства кружится голова
колдовское озеро, это не в лесах,
это, это озеро у тебя в глазах,
никуда не денешься, так к себе манит
колдовское озеро, голубой магнит».

ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ

лидочка в детстве ходила в музыкальную школу,
у нее не было какого-то особенного голоса или слуха,
но зина, ее мать, считала, что все девочки должны ходить в музыкальную
школу,
а все мальчики – на футбол
(мой отец отлично играет в футбол).

однажды в доме появился маленький черный футляр,
лидочка открыла его...
открыла его
и увидела блестящую, рыжую скрипочку.

толстый ребенок обхватил скрипочку двумя руками
и унес в свою комнату,

очень осторожно положил на подушку,
и сел рядом на пол, чтобы смотреть.

когда через день или два зина отвела лидочку в музыкальную школу,
и лидочка услышала ужасный скрип,
она не поверила, что такой чудесный предмет,
как ее скрипочка,
может издавать такие ужасные звуки.

после урока лидочка принесла скрипочку домой,
сломала об коленку смычек,
положила скрипочку на подушку
и села рядом, чтобы смотреть.

зина, вернувшись с работы, сняла с гвоздика прыгалку,
зашла в лидочкину комнату и закрыла за собой дверь,
а мой дед
в этот самый момент
зашел на балкон, и закрыл за собой дверь.
он слышал лидочкин голос,
она говорила: «папа, папочка»,
да, так она говорила.

семь лет лидочка училась в музыкальной школе,
семь лет в их квартире закрывались две двери.

БЕДНЫЙ ГЕНЕРАЛ КАРБЫШЕВ

это произошло 9 марта 1999 года
на детской площадке
возле дома номер 17
по улице Карбышева.

того самого генерала Карбышева,
которого фашисты облили водой
и оставили голым на морозе,
того самого, который покрывался коркой льда
и умер.
бедный генерал.

думаю иногда о нем,
и про то, как это все происходило.
один майор канадской армии,
свидетель этой ужасной смерти,
оставил воспоминания.

вот, что он пишет:

«как только мы вступили на территорию лагеря,
немцы загнали нас в душевую,
велели раздеться
и пустили на нас сверху струи ледяной воды.
это продолжалось долго.
все посинели.
многие падали на пол и тут же умирали –
сердце не выдерживало.
потом нам велели надеть только нижнее бельё
и деревянные колодки на ноги
и выгнали во двор.
генерал карбышев стоял в группе русских товарищей
недалеко от меня.
мы понимали,
что доживаем последние часы.
через пару минут гестаповцы,
стоявшие за нашими спинами с пожарными брандспойтами в руках,
стали поливать нас потоками холодной воды.
кто пытался уклониться от струи,
тех били дубинками по голове.
сотни людей падали замёрзшие
или с размозжёнными черепами.
я видел, как упал и генерал карбышев.
за несколько секунд до падения, он что-то сказал,
какое-то слово.
было плохо слышно,
слишком громко горели печи крематория
и было очень плохо слышно.
да и если бы я все же услышал то его последнее слово,
я бы вряд ли понял.

вот, что писал один канадский майор.

к чему это я,
подумаешь, что там могло такого произойти
на улице карбышева
9 марта
на детской площадке
какая-то частная история,
и даже никто не умер,
вернее умер, только потом, попозже.

а произошло вот что:

НЕ ПОЗВОЛЮ И ПРОКЛЯНУ

лидочка сидела на низкой скамейке, рассматривала
лежащие в песочнице забытые игрушки,
любовь ивановна показалась откуда-то с правой стороны,
зажав под мышкой теплый хрустящий батон без горбушки,
давняя привычка – ребенок войны.

лидочка, увидев любовь ивановну, подалась назад,
и сказала: «тетя любя».
как-то прямо даже вроде бы ласково, на первый взгляд,
на самом деле, прозвучало грубо.

потом еще был ряд существительных: «квартира», «гараж», «машина»
и два глагола: «не позволю» и «прокляну»
то есть, как бы, получается,
пять слов, минус словесный мусор, жестикуляцию и мимическую морщину,
всего одну.

лидочка осталась сидеть у песка,
палочкой рисуя скрипку без смычка.
любовь ивановна, пошла дальше, расковыривая батон,
она думала: «обычный мужчина, психованная дочь, дурацкий балкон».

спортсмен притормозил, почувствовал неожиданную резкую боль во всем
теле,
он теперь не бежал, а шел еле-еле.

ЧТО-ТО ПОШЛОЕ ПРО СЧАСТЬЕ

а мой дед
в этот самый момент
сидел на своей дымной кухне,
мягкие лучи пробивались откуда-то справа
через пыль стекла,
дед щурился и курил золотую яву,
стряхивая пепел на край стола.

перед ним на столе лежали молоток и гвоздик –
металлические свидетели его бессонных ночей,
послезавтра у нее будет праздник, соберутся гости,
все будут говорить о ней.

он придет последним, не повяжет галстук,
оголит свою седовласую грудь,
скажет тост, что-то пошное, про нежданное счастье,
на нее не посмеет даже взглянуть.

он звонит в звонок, поправляет галстук,
в целлофане «Аленка» и «Абсолют».
там за дверью, он слышит, в разгаре праздник,
он еще простоит так десять или пятнадцать минут.

...

он сначала звонил, писал, стучался,
под балконом ее сидел и думал: «долбаный старый Ромео, твою мать,
может яду выпить, и тут остаться,
но противно – голуби могут обосрать».

ФРИЦ

однажды дед встал утром, еще перед рассветом,
достал с антресоли свой старый трофейный чемодан,
протер его, открыл, положил туда ее фотографию, завернутую в
целлофановый пакетик,
и еще он положил туда

чайный гриб в трехлитровой банке.

эту вязкую слизь принесла ему как-то она и сказала пить,
сказала, что нужно гладить его с изнанки,
дать ему имя, «они всё чувствуют, по телевизору даже говорили», и любить.

перед тем, как гриб оказался в чемодане, дед надел очки и над банкой завис,
он сказал: «как мне нехорошо, ты бы только знал, как мне хуево,
я найду ее, я иду в гараж, завожусь и еду, полезай в чемодан, Фриц».
гриб качнулся слегка и замер, не проронив ни слова.

дед зашел в гараж, сел за руль, прикурил, затянулся,
поставил банку рядом с собой, на соседнее сидение,
«с богом, в добрый час, трогай, саша» - сказал он, глядя на вязкую слизь
внутри

банки, слегка улыбнулся,
завелся и медленно выжал сцепление.

он гнал, солнце слепило ему глаза, Вячеслав Добрынин из приемника пел,
дед дышал через раз, он забывал дышать,
боковые зеркала были ему крыльями, он почти летел, он летел,
и тут он вспомнил, что забыл открыть ворота гаража.

«что-то совсем позабыл...»

ПОЧТИ КОНЕЦ

восемь лет прошло,
он сидел на кухне,
отражался в грязном двойном стекле,
слушал гул холодильника, улыбался,
вылетал из окна на старой метле.

поднимался к ее окну, стучался,
проверял – не горит ли случайно свет,
поправлял усы и назад спускался,
относил метлу в туалет.

ОН ЕСТЬ

сколько он ещё прожил после нашей последней встречи,
месяца полтора, два?
я пришла к нему вечером,

мы говорили какие-то слова,
в основном я, он молчал,
давил окурки в консервную банку,
что-то в ответ мычал,
расковыривал от заусенца ранку.
в конце я спросила, чем он занят сейчас,
он сказал, что подводит итоги,
что прожил в целом неплохую жизнь,
женился, жену свою уважал,
родил детей, дождался внуков,
работал, старался не обманывать,
не воровал, выпивал только по праздникам,
встретил несколько плохих людей, но больше хороших,
прочитал несколько хороших книг, но больше плохих,
любил собак, не любил кошек,
любил собирать грибы, рыбу ловить не любил,
в бога не верил, но всегда подозревал, что он есть,
и если тот его сейчас слышит, то пусть простит.

а потом он умер.
за несколько дней до смерти, поздно ночью
он позвонил моему отцу и сказал: «лёха...»,
он сказал «лёха...» и повесил трубку.

ТЕПЕРЬ КОНЕЦ

сейчас здесь все по-другому:
мебель из икеи, да, стеклопакеты,
осталось только балкон...,
нашла там случайно его сигарету.

заглянула в щель, смотрю-лежит,
пачка золотой явы с одной сигаретой внутри,
бросила давно, больше никогда, бегаю по утрам, в общем, собираюсь долго
жить,
открыла окно, стала курить.

смотрю вниз, там школа, школьный стадион,
дети занимаются физкультурой, выстроились в ряд,
делают приседания, отжимания, что еще, наклоны,

раз-два-три-четыре, короче говоря.